«Традиционные ценности — это то, какими власть хочет видеть россиян. Но они не такие и такими быть не хотят». Социальный исследователь Максим Руднев о том, что действительно ценят люди в России

Если мы будем сравнивать Россию с другими европейскими странами, то окажется, что, скажем, Восточная Европа и Россия довольно-таки похожи.

Мария Железнова

Follow

(признана Минюстом РФ иностранным агентом)

настоящий материал произведен и распространен иностранным агентом железновой м.м. 18+

«Традиционные ценности» — это словосочетание в последние несколько лет стало для российской власти универсальным объяснением того «особенного пути», по которому она ведет страну, а необходимость их «защищать» от «угрозы» с Запада — дежурным оправданием очередного ограничения прав граждан. Чтобы граждане знали наверняка, что государство подразумевает под «традиционными российскими духовно-нравственными ценностями», их зафиксировали в разнообразных официальных документах — но насколько они действительно традиционные, исключительно ли российские и в самом

ли деле россияне считают их своими ценностями? О том, какие ценности у россиян были на подъеме последние 15 лет (как насчет гедонизма?), можно ли «навязать чуждые ценности» и сильно ли ценности жителей России отличаются от ценностей европейцев, «Мнения» поговорили с социальным исследователем, научным сотрудником канадского университета Waterloo Максимом Рудневым, который много лет посвятил изучению этой темы.

— Давайте начнем с определения: что такое ценности, как их описывают исследователи?

— Я сошлюсь на одного из известных современных исследователей, социального психолога Шалома Шварца. В его понимании индивидуальные ценности — это абстрактные конечные цели людей, некоторые аксиомы, «то, что для меня важно», поэтому когда люди спорят, то последним аргументом как раз и будут ценности. Ценности — это необязательно то, что идет на пользу сиюминутному личному благополучию, иногда следование ценностям даже идет наперекор непосредственным интересам, но это именно потому, что люди могут считать важным что-то более отдаленное и абстрактное.

— Как устроена шкала координат ценностей?

— Самая известная шкала индивидуальных ценностей — опять-таки Шалома Шварца. Она представляется в виде круга, который формируется из 10 ценностей (иногда 20). Там есть две оси, на полюсах находятся, соответственно, противоположности: «Сохранение» — «Открытость изменениям» и «Самоутверждение» — «Забота об окружающих».

Ценности, которые находятся на полюсе заботы об окружающих — это «Благожелательность» (сюда входит забота о ближнем круге — родственниках и друзьях) и «Универсализм» (а это забота о дальнем круге, о природе). На противоположном полюсе, то есть противоположность им — ценности самоутверждения: «Власть/богатство» (это желание иметь авторитет, социальный статус) и «Достижение» (признание заслуг окружающими).

Полюс открытости: здесь находится ценности «Самостоятельность» (свобода мысли, выбора, творчество), «Риск/новизна» (это любовь к разного рода возбуждающей, адреналиновой деятельности) и отчасти «Гедонизм», который не всегда выражает открытость, иногда — эгоизм и самоутверждение, он находится поэтому на границе между открытостью и самоутверждением (под гедонизмом понимается получение удовольствия от жизни, чувственные наслаждения и т.п.). Им противоположны ценности сохранения, они, наверное, ближе всего к тому, что описано в новых российских законах и стратегиях как «традиционные ценности»: «Традиция» (следование обычаям, в основном религиозным), «Конформность» (когда важно следовать правилам) и «Безопасность» (как повседневная, так и желание иметь защиту).

Три последних, а также ценности «Заботы» отражают групповые интересы, «Самостоятельность», «Риск/новизна», «Гедонизм», «Достижение» и «Власть/богатство» — индивидуальные.

— Правильно ли я понимаю, что в такой группировке ценностей нет оценки, нет «хороших» и «плохих» ценностей?

— Да, все эти ценности в той или иной степени социально одобряемые, какие-то в большей степени, какие-то в меньшей, но явных «антиценностей» — лжи, предательства и т.п. у Шварца нет, за что его иногда критикуют.

— А кто тут объект исследования — некий средний человек?

— Нет, это ценности каждого отдельно взятого человека, то есть опрашивается большое количество людей, но индивидуально. При этом данные можно обобщать, делать сравнения между группами, странами, чтобы понять, чем россияне похожи на жителей других стран или, наоборот, чем от них отличаются.

Это стало возможным благодаря участию России в замечательном Европейском социальном исследовании, которое уже много лет проводится в трех десятках стран Европы, это очень качественное исследование с высоким уровнем требований к методологии и т.п. Из-за пандемии был перебой со сбором данных, надеюсь, в 2024 году пройдет новая волна и Россия тоже будет участвовать. Это важнейший источник данных для исследований ценностей, но не только ценностей.

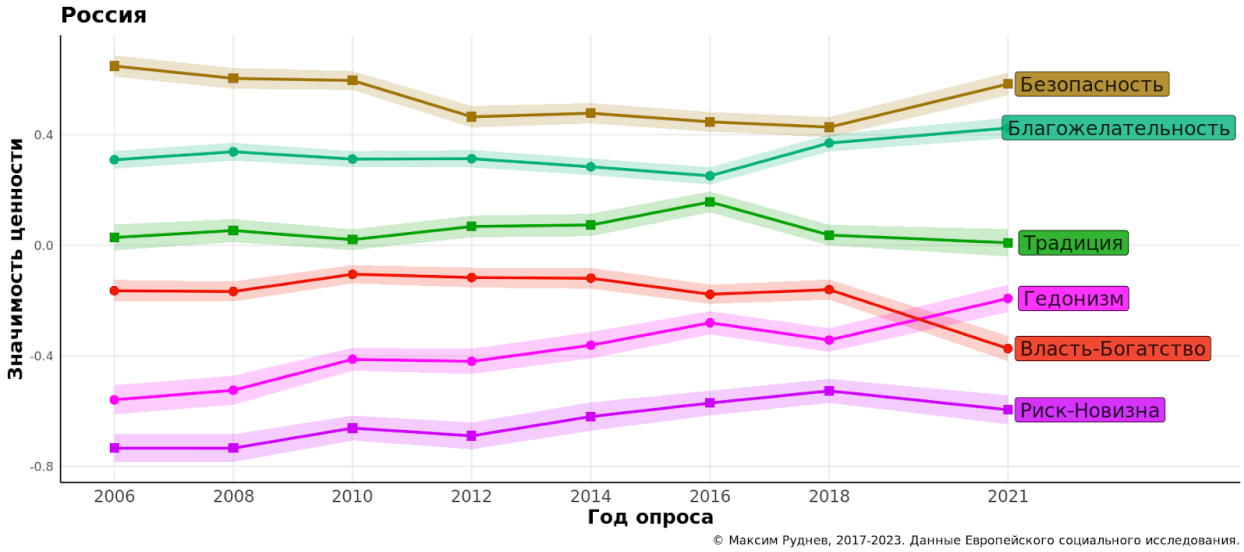
— Именно на нем, как я понимаю, основана свежая работа вашего коллеги и когда-то соавтора Владимира Магуна о том, как изменились базовые ценности жителей России за 15 лет, с 2006 по 2021 год?

— Да, думаю, это самый свежий анализ из всего опубликованного к настоящему времени. Прежде чем начать об этом говорить, я бы хотел сделать два важных пояснения. Во-первых, вообще-то

ценности мало подвержены изменениям: в странах, в которых не происходит изменений масштаба революции, ценности остаются практически неизменными на протяжении десятилетий.

То есть, когда мы говорим про изменение ценностей, то говорим о чем-то необычном. Во-вторых, иерархия этих ценностей тоже практически не меняется, даже в России, меняется разрыв между ними. Наверху всегда будут ценности заботы об окружающей природе и безопасность, а внизу — всегда ценности гедонизма и власти/богатства. Это социально одобряемая норма, социально одобряемая иерархия, она стабильна и в Европе, и в России.

Теперь собственно про динамику ценностей. Их не так уж много, и, наверное, самое яркое — это очень заметный рост ценностей «Гедонизм» и «Риск/новизна». Это довольно неожиданно, если вспомнить, как менялась жизнь населения в этот период, с 2006 по 2021 годы: материальное положение улучшилось, доходы выросли. На этом фоне скорее следовало бы ожидать кардинального падения ценности «Власть/богатство», потому что потребность в этом была удовлетворена. И она действительно стала ниже, но только совсем чуть-чуть. Вместо этого выросли, как я уже сказал, «Гедонизм» и «Риск/новизна». Я это объясняю тем, что произошел своего рода консьюмеристский переворот: люди из состояния выживания, накопления, обороны переключились в режим потребления, получения большей радости от жизни, соответственно, стали больше ценить возможность хорошо проводить время, получать удовольствие, «жить хорошо» и т.д.

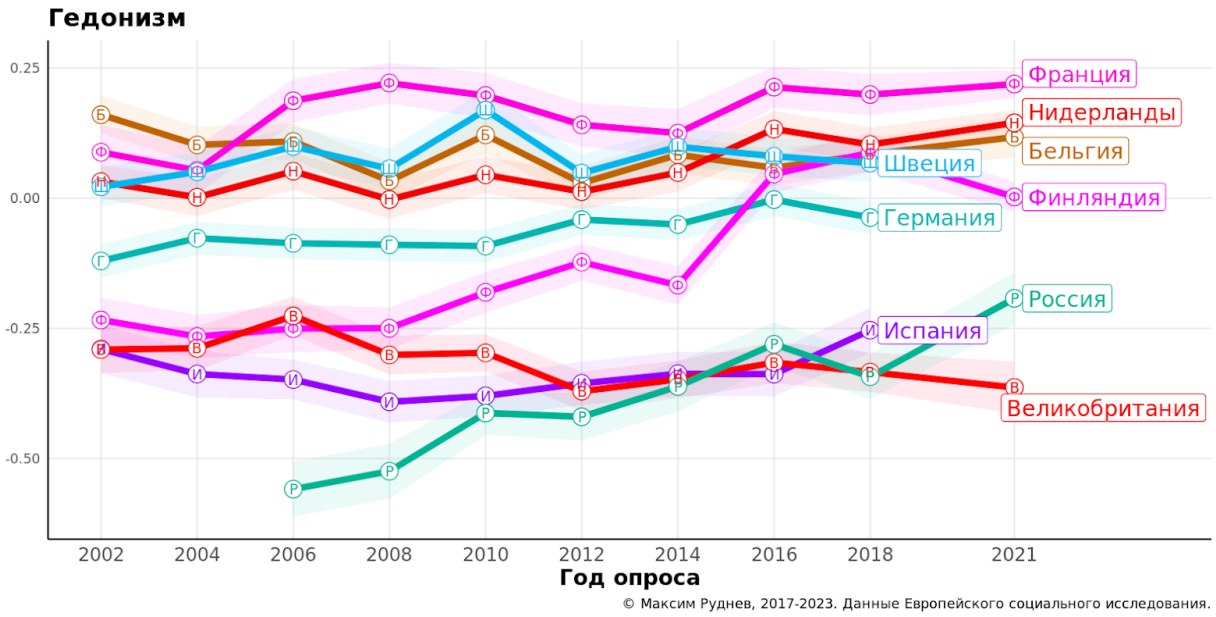
http://values.maksimrudnev.com/

— Чем еще можно объяснить такую тенденцию, кроме того, что исследуемый период пришелся на в общем и целом «тучные годы» — не все подряд, конечно, там и кризисы были, но общий тренд большую часть времени был такой? Что пришли молодые поколения, выросшие в эти благополучные годы, для них получать от жизни удовольствие — это что-то само собой разумеющееся?

— Мы рассматривали такую версию, но нет. Вопреки ожиданиям, оказалось, что практически все эти изменения произошли за счет пожилых, старших когорт. То есть, с одной стороны, действительно, уходили самые старшие поколения, те, что находились в самом невыгодном положении относительно остальных, которые в результате слома советского строя были в очень угнетенном состоянии, потеряли социальный капитал, многие — профессию, накопления, оказались за бортом социального корабля: понятно, что они были сосредоточены на выживании и ни о каком гедонизме речи быть не могло. Но вот следующие за ними когорты за эти 15 лет наконец

почувствовали какой-то вкус к жизни, и это у них в основном выросли ценности гедонизма и риска/новизны.

Но тут еще надо сделать важное замечание: когда я говорю, что выросли ценности гедонизма, это не означает, что они стали очень значимыми. Они по-прежнему в конце иерархии ценностей. Если мы посмотрим на другие европейские страны, то увидим, что там ценности гедонизма стоят немного выше, чем в России, которая все еще не догнала Европу по этому параметру. То есть мы только начали движение в ту сторону, немного отошли от выживания к 2021 году.

— А какие ценности, наоборот, пошли заметно вниз?

— Драматически — ничего. Но тренды смешала пандемия, из-за нее скакнули вверх безопасность и благожелательность, то есть забота о ближнем. До пандемии, с 2006 до 2018 годы, ценность безопасности немного снижалась, а

пандемия вернула ее на прежний уровень, у нее первое место с большим отрывом.

— Я понимаю, что предсказания — не тот жанр, который любят исследователи, но все же. Последняя волна опроса была в 2021 году, а в 2022 началась война — как вы полагаете, как это отразится на ценностях в России? Это очень драматическое событие в жизни множества людей в России, согласитесь.

— Абсолютно. Исходя из общих соображений, логично ожидать довольно сильные изменения, как при пандемии или даже сильнее: безопасность должна пойти вверх, а риск/новизна и гедонизм — вниз (правда, гедонизм связан с агрессией). Еще надо будет внимательно смотреть на власть/богатство и конформность, потому что российская пропаганда акцентирует, с одной стороны, гегемонию в мире, и послушность граждан, с другой стороны. Очень надеюсь, что удастся в 2024 году провести новую волну Европейского социального исследования и посмотреть на результаты.

— Резюмируя: за эти 15 лет в общем и целом на подъеме были ценности индивидуализма, так?

— Не совсем, только часть ценностей, отражающих индивидуальный фокус выросла — это, как я уже говорил, гедонизм и риск/новизна, а другая часть индивидуально-ориентированных ценностей, наоборот, стала менее значимой для россиян в целом — это ценности власти/богатства и достижения.

— Возвращаясь к сравнению России и других европейских стран по итогам этого и других исследований: насколько россияне сходны с европейцами по ценностям, или тут у нас какой-то свой, особенный путь и долг хранителей ценностей в Европе, как это представляет себе власть? Или, может, «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы»?

— Искать различия — это популярный аттракцион, это всем интереснее, чем искать сходства. Это вообще свойство человеческой психики — обращать внимание в первую очередь на различия, хотя сходства не менее важны.

Но нет,

> **если мы будем сравнивать Россию с другими европейскими странами, то окажется, что, скажем, Восточная Европа и Россия довольно-таки похожи.**

Помимо Восточной Европы, нашими соседями по ценностному профилю будут страны Южной Европы — Италия, Греция. Немного подальше, что естественно — Западная Европа, более богатые, более демократические страны. Но, повторюсь, общая иерархия ценностей похожа во всех этих странах.

«Да, скифы — мы, да, азиаты — мы» — тут сказать сложнее, потому что в Европейском социальном исследования, данные которого используют исследователи, только европейские страны, разве что иногда появляются Турция с Израилем. Есть Всемирное исследование ценностей, и по нему мы тоже видим, что Россия скорее в компании таких же секулярных восточно-

европейских стран и так же близка к азиатским, как и к мусульманским странам

— Насколько ценностный портрет россиян совпадает с тем, что теперь уже на уровне законов и стратегий называется «традиционными российскими ценностями»? Что под этим понятием вообще понимается, на ваш взгляд?

— Было предпринято много попыток понять, что они имеют в виду, я и сам принимал в этом участие, но не знаю, стоит ли их продолжать. В отсутствие идеологии у современного российского государства это выглядит как попытка как-то ее изобрести или найти ей замену. Есть стратегия национальной безопасности, в которой эти ценности перечислены…

—… с вашего позволения, я ее процитирую (п. 91): «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

—…Это по большому счету цитаты отовсюду, от Домостроя до Морального кодекса строителя коммунизма. Теперь, помимо стратегии, есть другие законы и документы, которые на этот набор опираются, но они существуют сами по себе по большому счету, им не следует никто.

— И с теми ценностями россиян, которые обнаруживаются в результате научных исследований, этот набор не очень-то связан, кажется.

— Давайте посмотрим. Вот, например, коллективизм — это мое любимое слово, у которого нет практически никакого собственного значения и которое даже ученые употребляют в очень разных смыслах, иногда прямо противоречащих друг другу. Допустим, имеется в виду приоритет группы перед индивидуумом. Этому соответствуют отчасти ценности универсализма, благожелательности, заботы о других, а противостоят этому ценности самоутверждения. Но по ценностям самоутверждения Россия — на первом месте в Европе. То есть если этот уровень взять за исконный, «традиционный» коллективизм и от этого измерять другие страны, то тогда Швеция или Франция окажутся прямо-таки чемпионами коллективизма по сравнению с россиянами, которые на их фоне буквально на последнем месте по этому признаку.

Крепкая семья — это тоже не про нас, если помнить, какая у нас демографическая ситуация, с невысокой рождаемостью и разводами.

Предполагается, что россияне религиозны. Это не так, Россия — одна из самых секулярных стран в мире, никакой глубинной религиозности. И так далее.

Я думаю,

> **«традиционные ценности» в их понимании — наверное, это то, какими бы власть хотела видеть россиян.**

Это нормативные установки — образец, указание, вот, будьте такими, отказывайтесь от своих интересов в пользу группы, в пользу государства. Но россияне такими не являются и такими быть не хотят. И вряд ли такими будут когда-нибудь.

— Может быть, тем, кто такое пишет, хочется думать, что россияне такими когда-то были — традиция ведь обычно отсылает к прошлому. Но это прошлое реальное или тоже воображаемое?

— Ну, в какой-то момент рождаемость, например, действительно была высокой, но только не из-за пропаганды «традиционных ценностей», а оттого, что контрацептивов не было. Тут я, наверное, присоединюсь к критикам самой концепции ценностей, которые считают, что действительно значительные процессы вроде роста рождаемости не всегда связаны с ценностями, что в конечном смысле они обусловлены чем-то совсем другим — развитием технологий, например, повышением уровня образования или его доступности. А упадок «традиционных ценностей» этому, вероятно, сопутствовал, но не был причиной.

— А этот перечень «традиционных ценностей» — он только для современной России специфичен или это более-менее стандартный набор для всех режимов, которые в тех или иных целях начинают регулировать сферу ценностей?

— Это довольно типичная неоконсервативная повестка, мне кажется. Если кто-то решает заняться объединением нации, то практически неизбежно приходит к одним и тем же нормам: государство, патриотизм, коллективизм,

традиции, религия, семья и т.д. Страны Африки, Азии, Южная Америка — если мы видим диктатора, то он будет обращаться примерно к этим темам. Это вполне универсально.

— Насколько уязвимы ценности? В официальной риторике им все время угрожает Запад (его тлетворное влияние, как сказали бы лет 50 назад), поэтому они нуждаются в постоянной защите со стороны российского государства. Можно ли их защитить, если все время повторять, как важны именно «традиционные российские духовно-нравственные ценности»?

— Я не занимался этой темой непосредственно, но, насколько я понимаю,

> **пропаганда вообще не очень эффективна в том, что касается изменения внутреннего мира людей, особенно таких глубинных вещей, как ценности.**

Сравнительно легко изменить поведение — в результате люди замыкаются, затыкаются и перестают обсуждать свои ценности. Можно ли изменить то, что они об этом молча думают — не знаю, для этого нужна как минимум сильная изоляция от всего остального мира плюс очень сильная привязанность к телевизору. Наверное, это было возможно в доинтернетовскую эпоху, во время отсутствия большого количества медиа, но сейчас? Наверное, это что-то меняет в представлении групп, которые находятся в наибольшей изоляции, не пользующихся интернетом, не интересующихся достоверностью информации, включенных в поток тех новостей, которые на них выливает пропаганда. Но даже среди них эта

повестка, наверное, ложится на какую-то готовую уже почву. То есть сама по себе пропаганда мало что меняет в плане личных ценностей.

— Но тогда и страшилка, что Запад «пытается навязать чуждые нам ценности», тоже не работает, да? Это вообще возможно — «навязать ценности»?

— Да, это две стороны одного и того же. Такого рода фразы проливают свет на представление современного российского государства о том, что такое ценности и как они формируются. И продвижение «традиционных ценностей», и пугалка про «угрозу нашим ценностям с Запада» — это иллюстрация их представления о россиянах как о каких-то безвольных игрушках, которым к голове можно что-то легко прикрутить и так же легко открутить. Но нет, с ценностями это так не работает, повторюсь.

Ведь и российское государство тему «традиционных ценностей» разрабатывает уже много лет, с 2014–2015 годов, наверное, то есть этот неоконсервативный поворот не вчера произошел, однако заметного влияния на ценности это не оказало.

Что еще почитать

«Мы думали, что мы им — фотографии Бучи и Мариуполя, а они нам — а, понятно, ну тогда я против войны? Это романтическое ожидание». Политолог Максим Алюков — о том, как мы воспринимаем пропаганду и что с этим делать

«Идея обмена убийств на войне на другие преступления — это, в общем, дикость». Криминолог Владимир Кудрявцев о том, как связаны война и преступность

«В ситуации войны от государства требуется дать обществу какое-то объяснение — за что человек умирает». Социальный антрополог Сергей Мохов — о влиянии пандемии и «спецоперации» на наше отношение к жизни и смерти

Общество
Россия
Политика
Россия и Запад

Мария Железнова

Follow

(признана Минюстом РФ иностранным агентом)